

Двое из ста
Андрей

Кочев Максим

Кочев Максим

Двое из ста. Андрей

«Автор»

2026

Максим К.

Двое из ста. Андрей / К. Максим — «Автор», 2026

Он никогда не рвался в герои. Андрей живёт на Уралмаше, учится в институте на специальности которая ему не нужна, иногда выпивает в одиночестве. И прикосновением вызывает у людей стыд — настоящий, тяжёлый, от которого не спрятаться. Это удобная способность. Пока не встречаешь того, кому стыдиться нечего. Екатеринбург, декабрь, первый снег. В городе появился человек с большими идеями и железной убеждённостью что знает как надо. Его люди уже работают — тихо, методично, по всему городу. А младший брат Андрея начинает чувствовать что-то странное. Что-то чего раньше не замечал. Иногда правых нет. Есть только выбор. Двое из ста. Андрей — вторая книга серии о людях, которые умеют чуть больше остальных. И живут с этим каждый день.

© Максим К., 2026

© Автор, 2026

Кочев Максим

Двое из ста. Андрей

Двое из ста. Андрей

Кочев Максим

Услышал раньше чем увидел.

За гаражами, в узком проходе между двумя рядами металлических боксов — голоса. Не громкие, но характерные. Андрей замедлился, прислушался.

— Давай сюда, сказал.

— Не трогай меня...

— Ты чё, не понял?

Он свернул в проход не торопясь. Трое — лет по шестнадцать-семнадцать, один чуть старше. Прижали пацана к гаражу, тот стоял боком, закрывая руками лицо. Небольшой, худой, лет тринадцати.

— Стоп, — сказал Андрей негромко.

Трое обернулись. Старший — в чёрной куртке с капюшоном — окинул его взглядом.

— Иди мимо, умный.

Андрей не пошёл мимо. Подошёл ближе — не к старшему, к тому что стоял справа и держал пацана за рукав. Просто коснулся его руки — мимоходом, как будто случайно задел.

Этого было достаточно.

Не много. Ровно столько чтобы человек вдруг почувствовал — что-то не так. Что-то он делает не то. Смутное, нехорошее ощущение, как будто мама смотрит в спину. Не страх, не боль — просто внезапное острое понимание что он сейчас поступает плохо и все это знают.

Парень отпустил рукав.

Старший не понял что произошло, но почувствовал — что-то изменилось. Посмотрел на своего, потом на Андрея.

— Чё за...

— Идите домой, — сказал Андрей. — Холодно.

Они ушли. Не быстро — с достоинством, как умеют уходить люди которые не поняли что отступают.

Андрей посмотрел на пацана. Тот медленно отлепился от гаража, одёрнул куртку. Нижняя губа подрагивала, но держался.

— Ты в порядке?

— Да, — сказал пацан. Голос почти не дрожал.

— Как зовут?

— Антон.

Андрей посмотрел на него внимательнее. Что-то знакомое — не лицо, интонация. Урал-машевская.

— Антон откуда?

— С Победы. — Пацан наконец поднял глаза. — Вы... вы же Андрей? Витькин брат?

Андрей помолчал секунду.

— Витькин, — подтвердил он. — Давно знаете друг друга?

— С пятого класса. — Антон вытер нос рукавом. — Он мне говорил про вас. Говорил, вы... — он запнулся.

— Что говорил?

— Что вы крутой, — сказал Антон просто.

Андрей не стал комментировать.

— Домой иди. И не ходи здесь вечером.

— Я знаю, — сказал Антон. Голос у него стал другим — не испуганным, а каким-то взрослым не по возрасту. — Просто срезал. Больше не буду.

Он ушёл быстро, почти побежал. Андрей смотрел ему вслед и думал — Витька говорил про него. Что он крутой.

Витька не знал ничего. Витька видел старшего брата который иногда помогает, иногда читает лекции про осторожность, иногда даёт денег на кино. Обычный старший брат.

Андрей вышел из прохода обратно на улицу. Снег скрипел под ногами — сухой, ноябрьский. Фонари уже горели, отражались в белом.

Крутой.

Он усмехнулся и пошёл дальше.

* * *

В магазин он зашёл на обратном пути — небольшой, на углу Победы, где его знали в лицо и никогда не спрашивали зачем. Взял бутылку вина, недорогого, и пакет с едой на вечер. Привычный маршрут.

Дома было тихо. Андрей жил один — родители настояли ещё год назад, сказали что парню нужна самостоятельность. Он не возражал. Самостоятельность его устраивала по причинам которые родителям объяснять не стоило.

Разделся, поставил чайник, открыл вино. Налил стакан, сел у окна.

За окном Уралмаш уходил в ноябрьскую темноту. Фонари, снег, редкие прохожие. Где-то вдалеке — трамвай. Андрей смотрел в окно и думал про Антона.

Витька говорил про него. Говорил что крутой.

Витьке было тринадцать, он учился в восьмом классе и знал про Уралмаш достаточно чтобы срезать через гаражи и недостаточно чтобы понимать чем это заканчивается. Андрей помнил себя в тринадцать — тот же район, те же гаражи, то же ощущение что всё под контролем. Потом был один вечер который объяснил что ничего не под контролем. С тех пор он знал район иначе.

Витька этого вечера ещё не имел.

Андрей надеялся что не будет.

Он долил стакан, взял телефон. Написал Знайке — просто так, без повода.

«Чем занят».

Ответ пришёл через минуту.

«Готовлюсь к зачёту. Врать не буду — смотрю сериал. Ты?»

«Сижу».

«Один?»

«Один».

Пауза.

«Может, приеду? У меня есть повод не смотреть этот сериал».

Андрей посмотрел на стакан. Потом на окно.

«Давай».

* * *

В это время на другом конце Уралмаша, в квартире на третьем этаже хрущёвки с давно не крашенным подъездом, Тихий сидел за столом и слушал.

Говорил Очкарик — негромко, по привычке, хотя в квартире были только свои.

— Третий случай за две недели. Макс с Железки — сам видел, как он падал. Не бил его никто, просто подошёл этот и всё. Макс потом говорил — как будто внутри что-то сломалось. Боль такая что хотелось умереть.

— Хотелось или хотел? — уточнил Тихий.

— Хотел. В больнице лежал три дня. Врачи ничего не нашли.

За столом молчали. Лом смотрел в стену. Спортник крутил в руках зажигалку.

— Кто он? — спросил Тихий.

— Приезжий. Появился в начале октября. Снял квартиру на Ильича, ведёт себя тихо, но... — Очкарик поправил очки. — Район считает своим. Уже. Люди с Железки не хотят с ним связываться. С Сортировки тоже отказали.

— Почему отказали?

— Потому что видели что он делает. — Очкарик помолчал. — Игорь, это не обычный человек.

Тихий не ответил. Взял сигарету, покрутил в руках, не закурил.

— Знаю, — сказал он наконец.

— Тогда ты понимаешь что нам нужна другая помощь.

— Понимаю, — сказал Тихий. — Есть одна компания. Молодые, но... особенные. Мы пересекались.

— Согласятся?

Тихий вспомнил стройку. Осень, холодный ветер, невысокий парень который смотрел на него и что-то делал — что-то что Тихий до сих пор не мог объяснить словами. Усталость которой не было, потом злость, потом снова усталость.

И стоянку. Оружие которое исчезло из рук как будто само.

— Не знаю, — сказал он. — Но попробуем.

— Через кого выходить?

Тихий подумал секунду.

— Через Витьку, — сказал он. — Младший брат одного из них. Спортник, ты его знаешь?

— Знаю, — сказал Спортник. — Антоха с ним корефанится.

Тихий кивнул.

— Найди Антоху. Завтра.

* * *

Знайка приехал через полчаса — с пакетом чипсов и без зачёта, судя по виду.

— Ты чего такой? — спросил он с порога, не здороваясь.

— Какой?

— Думательный.

Андрей не стал объяснять. Налил Знайке чай — тот не пил, это было известно — и кивнул на кресло.

— Антона Смирнова знаешь?

— Витькиного друга? Видел пару раз. А что?

— Ничего. — Андрей посмотрел в окно. — Вытащил его сегодня от троих за гаражами.

Знайка присвистнул.

— Серьёзно?

— Несерьёзно. Мелкие, не злые. Просто решили что могут.

— И что ты?

— Объяснил что не могут.

Знайка посмотрел на него — внимательно, как умел иногда смотреть когда переставал острить.

— Андрей. У тебя всё нормально?

— Нормально.

— Потому что ты второй стакан наливаешь.

Андрей посмотрел на стакан. Действительно второй.

— Сидел, думал про Витьку, — сказал он. — Ничего серьёзного.

— Про Витьку всегда думаешь, — сказал Знайка. — Это нормально. Он хороший пацан.

— Хороший, — согласился Андрей. — Поэтому думаю.

За окном Уралмаш спал под первым снегом. Тихий, белый, обманчиво спокойный. Андрей этому спокойствию не верил.

* * *

Первоуральск от Екатеринбурга — сорок минут на электричке. Человек приехал днём, без предупреждения — просто позвонил за час и сказал что будет.

Встретились в кафе у вокзала. Небольшое, тёплое, почти пустое в будний день. Человек взял кофе, собеседник — чай. Сели у окна.

Человек не торопился. Он никогда не торопился — это было частью того как он работал. Люди которых торопят настораживаются. Люди которым дают время расслабляются и начинают слушать.

Собеседник был лет тридцати пяти, крупный, с тяжёлыми руками рабочего человека. Смотрел настороженно — но пришёл. Это уже было главным.

Человек умел находить таких людей. Не знал сам как — просто чувствовал. Город, район, иногда конкретная улица. Как будто что-то тянуло в нужную сторону. А потом разговор — и человек напротив постепенно понимал что его слова правильные. Единственно правильные. Так было всегда.

— Ты знаешь что ты особенный, — сказал он. Не вопрос.

— Догадываюсь, — сказал собеседник.

— Давно?

— Лет с шестнадцати.

— И всё это время — один.

Собеседник не ответил. Но что-то в его лице изменилось — едва заметно.

— Я не осуждаю, — сказал человек спокойно. — Большинство так живут. Не знают что таких как они — тысячи. Что можно иначе.

— Иначе как?

— Вместе. — Он взял кофе, отпил. — Я не предлагаю организацию с уставом и взносами. Я предлагаю людей. Таких же как ты. Которые понимают.

Собеседник смотрел на него.

— Зачем тебе это?

— Потому что поодиночке мы никто, — сказал человек просто. — Ты сам знаешь. Всю жизнь прячешь что умеешь. Всю жизнь осторожничаешь. Устал?

Пауза.

— Устал, — сказал собеседник.

— Я тоже, — сказал человек. — Поэтому строю что-то другое. Место где не надо прятаться.

— И что я с этого получу?

— Людей которые понимают. Возможность развиваться. Знание что ты не один. — Он помолчал. — И конкретно сейчас — помощь в одном деле. Небольшом. В Екатеринбурге.

Собеседник насторожился.

— Что за дело?

— Есть человек, — сказал он. — Способный. Но одиночка, как ты. Только он решил что район где живёт — его территория. Запугивает людей, требует денег. Его нужно остановить.

— Почему сам не остановишь?

— Потому что у меня другие задачи. Я веду людей, не воюю. Для этого нужны другие.

— А если откажусь?

Человек пожал плечами.

— Поедешь домой. Я не держу людей силой. — Он посмотрел на собеседника спокойно. — Но ты уже пришёл. Значит что-то тебя привело.

Собеседник смотрел в окно. За стеклом Первоуральск жил своей жизнью — серый, промышленный, привычный.

— Это опасно? — спросил он наконец.

— Всё опасно, — сказал человек. — Но вас будет несколько. И я обещаю — после этого дела ты не вернёшься к прежней жизни. В смысле — к одиночеству.

Собеседник молчал долго. Человек ждал — он умел ждать.

— Хорошо, — сказал собеседник наконец.

Человек кивнул. Не улыбнулся, не обрадовался — просто принял как должное.

— Я свяжусь, — сказал он. — Скоро.

Он допил кофе, встал, надел пальто и вышел.

Собеседник смотрел ему вслед и думал — что-то в этом человеке было такое, что хотелось верить каждому его слову. Даже когда слова были обтекаемыми. Даже когда половина осталась недосказанной.

Он не знал что это и есть способность того, с кем только что говорил.

* * *

Андрей написал в общий чат в девять утра.

«Собираемся. Вечером, у меня».

Зоя ответила первой.

«Что случилось?»

«Расскажу при встрече».

Гуга прислал просто.

«Буду».

Знайка —

«Уже еду. Шуцу. Буду в семь».

Миша не ответил ничего, но это означало что придёт.

Руслан написал отдельно, не в общий чат.

«Тихий?»

Андрей смотрел на сообщение. Руслан знал. Или догадался — что для него примерно одно и то же.

«Да».

«Жди. Буду раньше остальных».

* * *

Руслан приехал в шесть. Без звонка — просто открылась дверь, он вошёл, снял куртку, прошёл на кухню и поставил чайник. Как будто бывал здесь каждый день.

— Витька позвонил сам? — спросил он.

— Сам, — сказал Андрей.

— Хорошо. — Руслан сел. — Значит понимает что серьёзно.

— Понимает больше чем должен.

— Это его район. Он здесь вырос, он видит. — Руслан посмотрел на него спокойно. — Не переоценивай его наивность и не недооценивай наблюдательность.

Андрей не ответил. Поставил перед Русланом чашку.

— Что знаешь про этого? — спросил он.

— Немного. — Руслан взял чашку. — Появился в октябре. Способность болевая — прямое воздействие, контактное или почти контактное. Радиус небольшой, метра три. Зато интенсивность высокая.

— Откуда?

— Из Перми, предположительно. Там тоже были случаи — человек пять попали в больницу с необъяснимыми болевыми синдромами. Потом он исчез, и через месяц появился здесь.

— Он знает о нас?

— Вряд ли. Но знает что на Уралмаше что-то есть — иначе не выбрал бы именно этот район. Такие люди чувствуют присутствие других особенных. Не точно, не конкретно — просто тянет.

— Или просто выбрал район, — сказал Андрей.

— Или просто выбрал, — согласился Руслан. — Посмотрим.

В семь пришли остальные — почти одновременно, как будто сговорились. Зоя с пирогами — мама собрала без вопросов, это уже было традицией. Гуга с картой — он успел отметить улицу Ильича жёлтой булавкой. Знайка без ничего, зато громко.

— Первый снег, народ! Уралмаш в белом! Красота же, правда?

— Садись, — сказал Андрей.

Знайка сел.

Андрей рассказал коротко. Витькин звонок, Антон, Тихий который хочет встречи. Руслан добавил что знал про Гостя.

В комнате помолчали.

— Тихий просит о помощи, — сказал наконец Гуга. Не вопрос — просто произнёс вслух.

— Да.

— Интересно.

— Другие отказали, — сказал Руслан. — Там несколько групп на районе, никакого общего руководства. Каждая сама по себе. Все видели что умеет этот человек и все решили что не их проблема.

— А Тихий решил что его, — сказал Знайка задумчиво.

— Примерно так.

— Он думает что мы можем, — сказал Андрей. — Это не одно и то же что поможем.

Зоя подняла глаза.

— Андрей. Витька — он понимает к кому его использовали как посыльного?

— Понимает что к серьёзным людям. Больше — нет.

— И тебя это не беспокоит?

— Беспокоит, — сказал Андрей ровно. — Именно поэтому встреча с Тихим нужна быстро.

— Когда встречаемся? — спросил Гуга.

— Завтра. Пусть они предложат место. Посмотрим что выберут.

Руслан чуть улыбнулся — едва заметно.

— Умно.

— Стараюсь.

Знайка потянулся за пирожком.

— Ребята, а пирожки с чем?

— С яблоками, — сказала Зоя.

— Отлично. Я за любые переговоры если перед ними пирожки с яблоками.

Никто не засмеялся, но напряжение чуть отпустило.

Андрей посмотрел в окно. Уралмаш лежал в первом снегу — белый, тихий, свой.

Завтра Витька последний раз будет посыльным.

После этого Андрей сам поговорит с братом. Нормально поговорит, не как старший брат с младшим — как человек с человеком.

Давно надо было.

* * *

Витька позвонил на следующее утро, в половине восьмого.

— Андрюх. Мне тут передали... короче, один человек хочет поговорить с тобой. Через меня просил передать.

Андрей сел на кровати. Голос брата был ровным — не испуганным, но осторожным.

— Кто человек?

Пауза.

— Тихий, — сказал Витька.

Андрей помолчал секунду.

— Ты с ним разговаривал?

— Нет. Антоха передал.

— Знаю, — сказал Андрей. — Витька.

— Что?

— Ты правильно сделал что позвонил. И больше никаких контактов через Антоху с этими людьми. Понял?

— Понял, — сказал Витька.

Андрей положил телефон. Посмотрел в окно — снег лежал как вчера, белый и чёткий.

Тихий хотел поговорить.

Значит что-то случилось.

Глава вторая. Пивбар

Место выбрали на Победы — небольшой пивбар в подвале, без названия на вывеске, только нарисованная кружка над входом. Андрей знал это место. Тихий знал что Андрей знает — это тоже было частью выбора.

Пришли в семь. Тихий с Очкариком уже сидели — в дальнем углу, спиной к стене, лицом к входу. Профессиональная привычка. Или просто осторожность.

На столе было две кружки. Тихий кивнул на соседние стулья.

— Садитесь.

Знайка сел и немедленно поднял руку официантке. Андрей сел и посмотрел на Тихого.

За осень тот не изменился. Тот же короткий ёжик, те же руки в покое на столе. Только взгляд был другим — не тем что на стройке. Там было упрямство. Сейчас — что-то тяжёлое и практичное.

Очкарик поправил очки и молчал. Ждал.

— Говори, — сказал Андрей.

Тихий взял кружку, отпил. Не торопился.

— Колдун, — сказал он наконец. — Так его у нас зовут. Появился в октябре, снял квартиру на Ильича. Первый месяц тихо сидел, присматривался. Потом начал.

— Что начал?

— Деньги, — сказал Тихий. — Приходит и объясняет что теперь мы платим ему. Просто так. За то что живём на его территории. — Пауза. — Он не лезет в дела. Не командует. Просто хочет сверху сидеть. И чтобы платили.

— И многие согласились? — спросил Знайка.

— Те кто видели что он делает с несогласными — согласились.

— Что делает? — спросил Андрей.

— Боль, — сказал Очкарик негромко. — Не бьёт, не угрожает. Просто подходит близко и человеку становится плохо. Очень плохо. Один наш знакомый потом говорил — как будто всё тело горит изнутри. Три дня в больнице, врачи ничего не нашли.

— Радиус? — спросил Андрей.

— Метра три, может четыре.

— Контакт нужен?

— Нет. Просто близко.

Знайка получил свою кружку, повернулся к столу. Слушал внимательно — без улыбки, без острот.

— Почему не разобрались сами? — спросил Андрей.

Тихий не обиделся. Посмотрел на Андрея ровно.

— Потому что не можем.

— Подробнее.

— Мы не те люди, — сказал Тихий. — Я не буду делать вид что мы серьёзная бригада. Мы район держим, это да. Но убийц у меня нет. И не надо — нам с этим жить потом. — Он помолчал. — А стрелять в него... Очкарик, расскажи про Макса.

— Макс попробовал. Не стрелять — просто подойти сзади, ударить. Этот каким-то образом почувствовал. Обернулся раньше чем Макс успел. И всё — Макс на земле, корчится. — Очкарик снял очки, протёр, надел снова. — Он чувствует намерение. Но близко к нему не подойти незаметно.

— Другие группы отказали, — сказал Андрей.

— Отказали, — подтвердил Тихий без горечи. — Умные люди. — Пауза. — Но это их ошибка. Он уже не только на Ильича. Через год весь Уралмаш будет платить ему.

— Или не будет, — сказал Знайка.

Все посмотрели на него.

— Ну, — Знайка пожал плечами. — Или он остановится сам. Или кто-то остановит. Или уйдёт.

— Такие не уходят, — сказал Тихий.

— Такие — это какие?

Тихий смотрел на Знайку секунду. Потом — неожиданно — ответил.

— Которым нравится. Он получает удовольствие. Видно по тому как работает — не торопится, не нервничает. Ему интересно.

В баре было негромко. Чья-то компания у стойки, телевизор без звука в углу, запах пива и жареного. Обычный вечер.

— Что вы хотите от нас? — спросил Андрей.

— Чтобы вы его остановили, — сказал Тихий просто. — Не знаю как. Это ваше дело. Но вы можете — я видел.

— Видел что именно?

— Стройку. Стоянку. То что вы умеете. — Он посмотрел на Андрея. — Я не знаю что это такое. Но это работает там где обычное не работает.

— Что взамен? — спросил Андрей наконец.

— Район, — сказал Тихий. — Пока вы здесь — район ваш. Никто не трогает, никто не спрашивает. Если нужна информация — приходите.

— Этого достаточно, — сказал Андрей.

— Вы согласны? — спросил Очкарик.

— Мы подумаем. До завтра.

Тихий кивнул. Встал, надел куртку.

— Завтра, — подтвердил он. — Раньше лучше. Он не стоит на месте.

Они ушли. Андрей и Знайка остались сидеть.

— Тихий не врёт.

— Знаю.

— И не просит просто так. Ему неприятно просить.

— Значит совсем плохо.

Знайка отпил из кружки. Помолчал.

— Андрей. Ты же понимаешь что твоя штука может не сработать.

— Понимаю.

— И?

Андрей поставил кружку.

— Стыд работает когда человеку есть чего стыдиться. — Он говорил ровно, как будто объяснял техническую задачу. — Этот берёт деньги с бандитов. Возможно, стыдится не того что делает, а того что не идёт дальше. Что не уничтожает их, а просто доит.

— То есть ты ему даже добавишь мотивации.

— Именно.

— Это неудобно.

— Да.

— Тогда кто?

— Зоя, — сказал Андрей. — Если её правильно подготовить. Боль — это эмоция. Теоретически можно научить отражать. Направлять обратно.

— Теоретически.

— Завтра узнаем.

* * *

Команда собралась у Андрея в десять вечера.

Руслан приехал первым. Выслушал молча, кивнул.

— Я думал об этом. Зоя. Но нужна подготовка.

— Сколько времени?

— Зависит от неё. — Руслан посмотрел на Зою. — Ты понимаешь о чём речь?

— Отразить болевое воздействие. Поймать и вернуть.

— Упрощённо — да. Ты работаешь с эмоцией боли. Находишь намерение причинить боль — и разворачиваешь. Он сам почувствует то что хотел причинить другому.

— Это больно для него?

— Очень, — сказал Руслан просто.

— Хорошо, — сказала Зоя. — Учи.

— Тренируемся завтра с утра. Встречаемся здесь в девять.

— А если Зоя не успеет? Если он ударит раньше? — спросил Знайка.

— Тогда больно будет Зое, — сказал Андрей.

В комнате стало тихо.

— Я понимаю риск, — сказала Зоя спокойно. — Я согласна.

* * *

Утром Руслан учил Зою.

Андрей сидел в углу и наблюдал.

— Не ищи боль, — говорил Руслан. — Ищи намерение. Когда почувствуешь намерение — разворачивай его. Не отбрасывай, не блокируй. Именно разворачивай.

— Как?

— Как зеркало. Ты не источник — ты поверхность.

К полудню она могла держать отражение несколько секунд. К вечеру — дольше.

— Достаточно? — спросил Андрей.

— Не знаю, — сказал Руслан. — Но лучше чем ничего.

* * *

Колдун появлялся на рынке у метро каждое утро в районе десяти. Тихий сообщил это утром — коротко, без лишних слов.

Гуга изучил маршрут.

— Вот здесь. Переулок между рынком и стоянкой. Он проходит там каждый раз. Нам подходит.

Тихий будет в машине в конце переулка. Зоя, Андрей и Гуга — в переулке. Знайка — на входе. Руслан — невидим, рядом с Зоей.

* * *

Утро было серым и холодным — минус десять, ветер с севера.

Переулок между рынком и стоянкой был узким. Слева кирпичная стена, справа глухой забор. Фонарь на углу не горел.

Колдун появился в десять минут одиннадцатого. Абсолютно обычный — лет сорока, среднего роста, в серой куртке. Мог быть кем угодно. Только шёл уверенно. Как человек который знает что этот переулок его.

Он заметил Зою метров за десять. Замедлился — почувствовал.

— Ты кто? — спросил он.

— Человек.

— Здесь не ходят просто так.

— Я хожу.

— Ты особенная, — сказал он. Не вопрос.

— Да.

Зоя чувствовала его — читала. Уверенность большая, плотная. Под ней что-то острое и горькое. Она искала намерение.

Вот оно. Зашевелилось — он решал.

Она приготовилась.

И тут скрипнула дверь машины в конце переулка.

Тихий шёл по переулку. Быстро, руки опущены. Лицо — живое. Злое.

Колдун обернулся.

— О, — сказал он тихо. — Вот как.

И шагнул к Тихому.

— Стой! — крикнул Андрей.

Никто не остановился.

Пять метров. Четыре. Три.

Зоя рванулась — сбоку, наискосок. Потянулась к намерению — так как учил Руслан. Не блокировать. Развернуть. Зеркало.

Два метра.

Колдун остановился.

Резко, как будто налетел на стену. Согнулся, руки прижал к груди. Лицо стало серым.

Тихий остановился в метре от него. Смотрел.

Колдун сполз по стене вниз, сел на снег.

В переулке стало тихо.

Тихий дышал тяжело. Потом медленно выпрямился. Обернулся к Андрею.

— Извини. Не удержался.

— Вижу.

— Всё равно получилось.

— Получилось, — согласился Андрей.

— Скорую вызвать? — спросил Знайка.

— Вызови. Анонимно.

Тихий застегнул куртку. Посмотрел на Андрея.

— Мы в расчёте?

— В расчёте.

Тихий кивнул. Пошёл к машине. У самой машины остановился, не оборачиваясь.

— Колдуна в больницу заберут. Там его найдут те кому надо. Это уже не ваша забота.

И сел в машину.

Они уходили. Зоя шла рядом с Андреем.

— Нормально? — спросил он.

— Нормально. Просто... он почувствовал боль которую хотел причинить Тихому. Это было сильно.

— Ты держала?

— Держала. Но если бы Тихий не вышел — я не знаю. Я не успевала по плану.

— Значит Тихий спас ситуацию.

— Значит Тихий спас ситуацию.

Знайка догнал их.

— Слушайте. А ведь он устыдился. Тихий. Просто не того чего мы ждали.

— Устыдился что сидит в машине пока другие работают.

— А у тебя бы сработало?

Андрей молчал секунду.

— Не знаю. Наверное нет.

— Это нормально. Зато у Тихого сработало само.

* * *

Колдун лежал в больнице третий день.

Физически — ничего серьёзного. Острый болевой синдром неясной этиологии, показатели в норме. Но он не торопился выписываться. Лежал и думал.

Думал про переулочек. Про девчонку которая стояла и смотрела на него — спокойно, без страха. Боль пришла изнутри. Его собственная, та что он готовил для другого.

Он не понимал как это возможно.

Значит такие люди есть. Значит он был не готов.

Это злило — тихо, методично, как угли которые не гаснут.

Дверь палаты открылась.

Вошёл незнакомый человек — лет сорока пяти, в хорошем пальто, негромкий. В руках — пакет. Из пакета торчали мандарины и пакет сока.

Человек поставил пакет на тумбочку. Придвинул стул. Сел.

Посмотрел на Колдуна — спокойно, без спешки.

— Как ты? — спросил он негромко.

— Кто вы?

Человек не ответил сразу. Взял мандарин, положил на тумбочку.

— Человек который знает что с тобой произошло. И почему.

Колдун молчал.

— И который может объяснить. Если захочешь слушать.

За окном палаты шёл снег. Ноябрь, Екатеринбург, белое и серое.

Колдун смотрел на мандарин на тумбочке. Потом на человека напротив.

— Слушаю, — сказал он.

Глава третья

Родители жили на Уралмаше — в той же пятиэтажке где Андрей вырос, только на два этажа выше. Он приходил раз в неделю, обычно в воскресенье, обычно к ужину. Это была традиция — негласная, без договорённостей, просто так сложилось.

Мама готовила много. Всегда больше чем нужно — как будто за столом сидело не четверо, а целая компания. Андрей давно перестал удивляться и просто ел.

— Картошки ещё возьми, — сказала мама, не глядя на него.

— Взял уже.

— Мало взял.

Витька хмыкнул. Папа молча тянулся за хлебом. Всё было как всегда.

За окном ноябрь укладывался спать — темнело рано, фонари на улице уже горели, снег лежал ровно и тихо. Андрей смотрел в окно и думал ни о чём конкретном. После недели с Колдуном и Тихим это было неожиданно приятно — просто сидеть, есть картошку, слушать как мама что-то рассказывает про соседку с третьего этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.